

Глава 34. Пусть сам догадается

«Юй Юньлян тебя не послушался», — Система, превратившись в плотную пленку, заранее устилала пол. «Притаился у окна и подсматривает».

В бумаге, закрывавшей оконную раму, была проткнута крохотная дырочка. Система, занятая защитой пола, не успела её заклеить. А по ту сторону замер маленький волчонок, впиваясь зубами в собственное запястье.

Ци Цзю запретил ему входить, и юноша не смел коснуться двери. Он стоял у окна, одеревенелый от ужаса, подавляя все мысли и чувства, грыз плоть, чтобы не закричать.

Ци Цзю было не до него. Обессиленный, он осел на пол, привалившись спиной к двери.

«Вычту у него половину свиного окорока...»

Хлынувшая горлом кровь окрасила мир для маленького волчонка в багровые тона.

Казалось, даже листья ивы во дворе застыли, застигнутые мертвым штилем. Юй Юньлян ничего не слышал и не осознавал — его пальцы судорожно вцепились в раму, а перед глазами стояла кровь. Черная, густая кровь, которая выплескивалась из Ци Цзю приступ за приступом, словно ей не было конца.

Принц сидел, уронив голову на грудь, как будто погружившись в глубокое раздумье. Каждое содрогание его тела отзывалось новым потоком извергаемой крови. Сначала Ци Цзю еще пытался вытирать губы, но вскоре, поняв тщетность этих усилий, просто позволил яду выходить наружу. Свежие пятна ложились на старые, и вскоре на полу и одежде уже невозможно было разобрать цветов.

Юй Юньлян не знал, в сознании ли еще принц или уже впал в забытие. Он мог лишь неотрывно следить за тенью за дверью, пытаясь уловить едва заметное движение грудной клетки.

Крови было слишком много. Поэтому, когда Ци Цзю наконец перестал кашлять, невозможно было понять: означает ли это конец первого очищения или в измученном теле просто не осталось больше жизни.

Разве может в человеке быть столько крови?..

Юй Юньляна пробрала дрожь. То ли свечи в комнате горели слишком тускло, то ли зрение подвело его, но он вдруг осознал, что тень за дверью не шевелится уже несколько долгих мгновений. Голова принца была бессильно опущена, дыхания не было видно.

Юноша сам не помнил, как рванулся к дверям. Спотыкаясь и падая, он распахнул створки, и тело, подпиравшее их изнутри, мягко повалилось ему в руки.

Ци Цзю был пугающе холодным. Лицо его, бледнее самой чистой бумаги, казалось умиротворенным — глаза закрыты, словно в глубоком сне, и ни тени боли.

Юй Юньлян судорожно моргал, прогоняя темную пелену перед глазами. Дрожащими руками он сорвал пропитанную кровью одежду и прижал ладонь к сердцу принца.

...Тишина. Он не чувствовал ударов.

Может быть, его руки слишком сильно дрожали? Или разум помутился от горя?

Юй Юньлян крепко обнял бездыханное тело и принялся ритмично давить на грудную клетку, вспоминая, как это должно быть. Он умолял это сердце забиться вновь — хотя бы один раз, хотя бы слабо. Ему нужно было лишь, чтобы Ци Цзю снова начал дышать. Только бы он дышал...

В какой-то момент юноша начал корить себя: быть может, он совершил мало добрых дел? Недостаточно искренне бил поклоны в храме?

«Что мне сделать, чтобы сердце забилось?.. Если я вскрою свою грудь и отдам тебе свое сердце — это поможет?»

Он не знал, сколько раз нажал на грудь — мгновение это длилось или вечность, — но вдруг тело в его руках содрогнулось, и из легких вырвался хриплый вздох.

Сердце, изнуренное до предела, словно нехотя, прерывисто и неровно, но всё же начало свой бег.

Юй Юньлян очнулся от оцепенения и поспешно прижал принца к себе, помогая ему восстановить дыхание. Грудь Ци Цзю снова начала мерно вздыматься. Спустя некоторое время из уголка его рта снова потекла струйка черной крови. Юноша инстинктивно потянулся, чтобы стереть её, но его рука была перехвачена.

Принц не позволял ему касаться яда.

Ци Цзю немного отдохнул, а затем сам медленно поднял руку и вытер губы. Опираясь на Юй Юньляна, он просидел в тишине еще долгое время, прежде чем нашел в себе силы открыть глаза.

— Не трогай это, — негромко проговорил он, лежа в руках юноши. — А то... по рукам наступчу.

Плечи Юй Юньляна судорожно дернулись. На его бледном лице застыла улыбка, которая была страшнее любых рыданий, и только тогда из его глаз градом покатились слезы. Юноша даже не замечал, что плачет; увидев, что слезы капаят на Ци Цзю, он в панике принялся вытирать их рукавом.

Слез становилось всё больше. Юй Юньлян не знал, за что хвататься первым, но понимал одно: принца нужно перенести в дом, ведь ночной ветер был слишком холодным.

Он осторожно уложил Ци Цзю на постель и попытался встать, но ноги не слушались. Едва выпрямившись, он снова рухнул на пол. Хотя очищение проходил принц, юноша выглядел гораздо более изможденным: всё его лицо и одежда были в пыли и крови.

Юй Юньлян яростно отряхнулся. Стиснув зубы, он несколько раз сильно ударил себя по бедрам, заставляя мышцы повиноваться, и только когда дрожь в ногах утихла, понес Ци Цзю к горячим источникам.

За это короткое время принц снова впал в забытие.

Юный инспектор никогда не знал, что в нем так много слез, но плач не мешал ему действовать. В тот момент он завидовал мифическому Нэчжа: если бы он мог переродиться в лotosовое воплощение с восемью руками, он бы сделал всё гораздо быстрее.

Всё было готово заранее. Юй Юньлян разложил чистую одежду у купели и наполнил деревянную бадью горячей водой из источника. Благодаря стараниям Системы кровь не впиталась в пол — прибраться в комнате оказалось гораздо проще, чем он ожидал. Юноша не знал, сколько стоит эта странная пленка, и, решив, что это какое-то сокровище принца, аккуратно вынес её во двор, чтобы позже отмыть.

Он погрузил Ци Цзю в окутанную паром воду, куда уже были добавлены целебные травы, купленные у старого лекаря за огромные деньги. Тот обед, который он с таким трудом впихивал в себя в последние дни, наконец дал ему силы.

Юй Юньлян засучил рукава и бережно принялся смывать следы крови и яда. Он менял воду снова и снова, пока в бадье не осталось ни единого темного развода.

После купания он перенес Ци Цзю обратно на кушетку и принялся одевать его. Каждое движение юноши было наполнено нежностью. Одежда была заранее окутана целебными благовониями — старый лекарь, хоть и не верил в исцеление от такого яда, всё же не устоял перед юношей, простоявшим у его дверей всю ночь, и рискнул выписать рецепты.

Серебро, лившееся рекой, превратилось в лучшие снадобья: для приема внутрь, для отваров, для ванн. Юй Юньляну было всё равно, что именно поможет. Если хоть одно средство облегчит страдания Ци Цзю, этого было достаточно.

На запястье принца виднелась рана — аккуратный разрез, сделанный собственной рукой, чтобы выпустить отравленную кровь. Теперь юноша уже немного разобрался в медицине; он осторожно обработал порез, наложил мазь и наложил свежую повязку.

Застегивая ворот нательного платья, Юй Юньлян приподнял руку принца, но та бессильно соскользнула и упала. Юноша в испуге подхватил её, и Ци Цзю снова навалился на него всем весом.

Сердце в груди принца билось нехотя. Когда Юй Юньлян наконец закончил с одеждой, ему снова показалось, что ритм затихает. Он в тревоге прижался ухом к его груди, прислушиваясь к каждому удару. После нескольких таких кругов маленький инспектор был снова готов расплакаться.

Он до боли закусил губу, сдерживая рыдания. Не в силах больше бороться с одеждой, он просто крепко обнял принца и укрыл их обоих одеялом. Юноша грел его своим телом, обхватив руками и ногами, стараясь передать ему всё свое тепло и дыхание.

Так прошло два часа.

К середине ночи, когда луна поднялась в зенит, тело Ци Цзю наконец начало теплеть. Пульс, хоть и оставался нитевидным и слабым, обрел ровный ритм. Юй Юньлян осторожно сжал его руку и открыл глаза.

Ему показалось, что пальцы принца едва заметно дрогнули. Он долго не смел в это поверить, пока наконец не набрался смелости и не прошептал:

— Ваше Высочество...

Он позвал несколько раз, и когда уже готов был отчаяться, пальцы Ци Цзю медленно согнулись, коснувшись его ладони.

Лицо Юй Юньляна мгновенно озарилось радостью. Он не смел больше произнести ни слова, боясь спугнуть эту искру жизни, и лишь осторожно сжал пальцы принца. Спустя некоторое время Ци Цзю медленно открыл глаза.

Свеча почти догорела, но ночь подходила к концу, и на горизонте уже занималась заря. Ци Цзю, лежа в объятиях своего волчонка, в слабом свете утра тихо улыбнулся:

— Чего ты испугался?

Юй Юньлян потерся лбом о его плечо и, рассмеявшись сквозь слезы, лишь крепче обнял его, не в силах вымолвить ни слова. Сказав эту фразу, Ци Цзю позволил юноше до конца одеть себя, ласково похлопал его по спине и снова погрузился в сон.

На следующий день Ци Цзю проснулся уже в кресле-качалке под деревом.

Система вернулась из буферной зоны раньше него — Юй Юньлян оказался весьма прилежным: он чисто вымыл ту самую пленку и расстелил её сушиться на траве.

Вокруг буйствовала весна, сад наполнился щебетом птиц и ароматами цветов. Увидев, что Ци Цзю открыл глаза, Система поприветствовала его:

«Твой инспектор упражняется в стрельбе».

Юй Юньлян действительно был на лугу. Стрела за стрелой вонзались в мишень. Из-за ночного бдения его движениям не хватало мощи, но точность была безупречной — каждое оперение дрожало точно в центре круга. Несмотря на то, что он стоял спиной, он мгновенно почувствовал, что кресло-качалка пришло в движение. Бросив лук, юноша в мгновение ока оказался рядом:

— Ваше Высочество.

Ци Цзю, только что обменявшийся парой слов с Системой, почувствовал, как волчонок уткнулся ему в плечо, и невольно рассмеялся:

— Настало утро, не так ли?

Юй Юньлян опустился на колени у кресла, не отводя глаз от лица принца. Убедившись, что тот выглядит гораздо лучше, он наконец позволил себе расслабиться. Юноша кивнул и, поправив на плечах покровителя мягкий мех, едва заметно улыбнулся:

— Скоро снова стемнеет. Вы слишком долго спали, Ваше Высочество, даже не поели.

Ци Цзю тронула эта забота. Он похлопал Юй Юньляна по руке, приглашая сесть рядом. Тот замялся, но подчинился, осторожно примостившись на краешке просторного кресла.

— Почему не ел? — Ци Цзю говорил тихо, экономя силы. — Как успехи со стрельбой?

Юй Юньлян закусил губу и покорно ответил:

— Все стрелы попали в цель.

— Я держу слово, — улыбнулся Ци Цзю. — Вечером будет тушеный окорок.

Юноша тихонько хмыкнул. Он сидел совсем близко, прижавшись лбом к шее принца. Весенний ветер был ласковым, но кожа Ци Цзю всё еще оставалась прохладной — за время сна его прошиб легкий пот.

Юй Юньлян плотнее закутал его в меха:

— Мне нужно выпустить еще несколько тысяч стрел... Ваше Высочество, я буду тренироваться медленно.

Если не хватит тысяч, он выпустит десятки тысяч. Он будет стрелять до тех пор, пока Ци Цзю не поправится.

Принц ласково погладил его по спине. От этого прикосновения у Юй Юньляна защипало в глазах, и он спрятал лицо в складках его одежды:

— Я сказал глупость... Спите столько, сколько захотите. Только не забывайте есть и принимать лекарства.

С самого утра он трижды пытался накормить Ци Цзю, но безуспешно. Во сне принц не мог глотать, и как бы юноша ни пытался помочь ему, лекарство лишь вытекало обратно. Юй Юньлян не выдержал и после третьей попытки сдался.

Ци Цзю понимал, что эта ночь сильно напугала его волчонка. Положив руку ему на затылок, он мягко проговорил:

— Легко сказать.

Есть было трудно, но вот с лекарствами вопрос можно было решить. В магазине Системы нашелся специальный эффект, меняющий вкус. За пару баллов даже самая горькая бурда превращалась в нечто приятное. Система уже закупила целый арсенал: от ледяной колы до горячего шоколада, и была полна решимости заставить Ци Цзю выпить всё до последней капли.

Юй Юньлян, не зная об этих хитростях, сосредоточенно растирал руки и грудь принца, помогая току крови:

— Ваше Высочество, не хотите ли вы окунуться в источник?

— А разве можно? — Ци Цзю действительно не знал.

Он помнил, что у горячих ванн много противопоказаний, а его тело сейчас напоминало разбитый сосуд, который едва удерживала внутренняя сила. Но, проснувшись в липком поту, он очень хотел смыть с себя усталость.

— Можно, — тихо ответил юноша. — Вам теперь можно всё.

Утром Юй Юньлян снова ходил в лавку к старому лекарю и уговорил его зайти к ним в усадьбу. Обычно врачи, дорожающие своей репутацией, старались не связываться с безнадежными больными. Но юноша в черном одеянии Директората просто стоял у входа, не уходя. И дело было не в жетоне писца, не в деньгах или драгоценностях, которые он предлагал. Просто в его спокойствии, в отсутствии суеты или открытых угроз таилось нечто такое... Если человек, которого он спасает, умрет, столицу захлестнет буря, перед которой померкнет любой разлив Хунхэ. И в этой буре погибнут многие — и в дворцовых стенах, и за их пределами.

То ли из осторожности, то ли по велению врачебного долга, но лекарь пришел. Осмотрев пациента, старик лишь поразился тому, как Ци Цзю вообще еще жив. «Разрушить, чтобы возродить» — таков был единственный путь, но когда разрушение доходит до самого основания, опасность становится запредельной.

— Теперь уже неважно, — сказал лекарь Юй Юньляну. — Хуже уже не будет. Если хочет в источник — пусть идет.

То же касалось и лекарств: если сможет выпить хоть каплю — это пойдет на пользу, восполняя растроченные силы. Если нет — не стоит принуждать. Насильное кормление лишь отнимет последние силы.

Старик сочувствовал юноше, но сказал правду. Юй Юньлян выслушал его с тем же бесстрастным лицом. Он был прилежным учеником: вежливо проводил врача, оставил щедрую плату и вернулся к принцу. Пока тот спал, он вынес кресло в сад, чтобы Ци Цзю мог погреться на солнце.

Теперь он не стал пересказывать это принцу, а лишь спросил:

— Я пойду приготовлю ужин. Ваше Высочество, подождите немного... Мы поедем, отдохнем, а потом пойдем к источникам смыть усталость, хорошо?

Ци Цзю, потратив силы на разговор, лишь лениво стряхнул с рукава лепесток и ловким щелчком отправил его в сторону юного инспектора. Лепесток приземлился на плечо Юй Юньляна, и тот, покраснев до кончиков ушей, смущенно улыбнулся:

— Я мигом.

Он на мгновение прижался к Ци Цзю, замер, а затем спрыгнул с кресла и еще раз заботливо

поправил меха.

Юноша принялся за готовку. Он не уходил далеко, постоянно оставаясь в поле зрения принца. Вскоре над усадьбой поплыл ароматный дым. Юй Юньлян уже научился отлично готовить: он томил в котле огромный окорок с целебными кореньями, раз за разом снимая жир, пока бульон не стал прозрачным и золотистым.

Вскоре потянуло и ароматом сладкого вина, которое юноша грел на маленькой печке. Он налил маленькую чашку бульона, добавив в неё несколько ягод годжи, и, когда тот остыл, поднес Ци Цзю.

— Вкусно, — похвалил принц, сделав глоток. — Тебе пора открывать свой ресторан.

Юй Юньлян едва заметно улыбнулся:

— Когда вы поправитесь, Ваше Высочество, и мы поедем в Янчжоу, я открою ресторан прямо на берегу Сиху.

Ци Цзю нравилось поддерживать эти мечты волчонка. Он даже изобразил глубокую задумчивость:

— Лучше постоянный двор. Будем кормить и давать ночлег — двойная выгода.

Юноша серьезно кивнул, запоминая совет:

— Выпейте еще немного.

Он поднес еще ложку. Бульон был наваристым, но не жирным, а горечь трав почти не чувствовалась. Ци Цзю медленно глотал, чувствуя, как по лбу катится холодный пот. Юй Юньлян заметил, как дрогнула его рука, и хотел было убрать чашку, но принц остановил его:

— Не спеши.

Он взял руку юноши в свою, проводя пальцами по следам укусов, которые тот сам себе нанес ночью. От этого нежного прикосновения Юй Юньляна пробрала дрожь, он едва не выронил чашку.

— ...Ваше Высочество.

— Я жив, — ответил Ци Цзю. — Больше не кусай себя.

Юноша опустил глаза, глядя на глубокие шрамы на запястье.

— Хорошо.

— Не грусти, волчонок, — тихо добавил принц. — Меня не так-то просто убить.

Он не собирался умирать. Он искал способ жить. И Юй Юньлян не должен был вечно пребывать в этом трауре. Если тетиву лука вечно держать натянутой до предела, она рано или поздно лопнет.

Принц попросил юношу помочь ему присесть и выпил еще пару ложек бульона. Затем он пригубил и сладкое вино с настоями трав.

— Когда я сплю, я не могу пить лекарства... но пить их нужно.

Ци Цзю мысленно пролистал записи Системы и решил преподать урок своему инспектору:

— Неужели ты не мог придумать способ?

Юй Юньлян замер, широко открыв глаза. Рука, которой он вытирал пот со лба принца, застыла. Ци Цзю хотел было продолжить чтение инструкций, но Система вмешалась:

«Хватит! Дальше не читай. Пусть сам догадается».

Честно говоря, Ци Цзю сомневался в сообразительности своего застывшего столбом волчонка:

«Ты уверена, что он поймет?»

«Всё равно нельзя читать это вслух! — сокрушалась Система. — Ты хоть видел, что там написано?»

При таком лунном свете и весеннем ветре читать инструкции вроде «Шаг первый: изучите анатомию человеческого рта и горла» было верхом кощунства. Система была уверена: если есть чувство, то и способ найдется сам собой.

Ци Цзю, не слишком веря в успех, закрыл блокнот и отправил Юй Юньляна ужинать. Тот послушно побежал за своей порцией. Похоже, груз ответственности за выздоровление принца пробудил в нем зверский аппетит: он так яростно взялся за окорок, будто надеялся завтра же стать в десять раз сильнее.

Ци Цзю наблюдал за ним с улыбкой, пока юноша не почувствовал его взгляд.

— Ешь-ешь, — сказал принц. — Глядя на твой аппетит, и мне становится радостнее.

Юй Юньлян снова покраснел и принялся за еду с удвоенной силой. Спустя некоторое время силы Ци Цзю иссякли, и он снова провалился в буферную зону. Его тело проходило стадию глубокого очищения, и связь с внешним миром была прерывистой.

Система транслировала ему происходящее через сенсоры на пленке:

«Твой инспектор проверяет пульс... Кажется, он доволен, лицо посветлело».

Юй Юньлян прибрал посуду и, смочив веточку ивы в остатках сладкого вина, попробовал снова напоить Ци Цзю. Сначала, когда он просто смачивал губы, всё шло хорошо... но стоило дать чуть больше, как всё повторилось. Принц не мог сглотнуть, и янтарная жидкость просто стекала по подбородку.

Юноша бережно вытирал её. Казалось, это поражение причиняет ему невыносимую боль. Он замер, прижавшись лбом ко лбу Ци Цзю, и долго стоял так, обнимая его. Убедившись, что тот крепко спит, он прошептал:

— Вы просто слишком слабы. Через пару дней всё наладится.

Ночной ветер шевелил меха, укрывавшие принца, и Юй Юньлян прикрыл его собой. Луна светила ярко, заливая мир серебром. В такую ночь юноша решил отнести Ци Цзю к источникам. Там он подготовил специальные подушки с травами, которые под воздействием тепла источали целебный аромат.

Юй Юньлян осторожно опустил принца в воду. Тело спящего было совершенно расслабленным, но юноша уже знал, как его поддерживать. Он зашел в воду и, усадив Ци Цзю так, чтобы голова его покоилась на его плече, замер в объятиях.

— Ваше Высочество, — тихо проговорил он. — Мы побудем здесь подольше, и вам обязательно станет лучше.

Ци Цзю склонил голову на его грудь. Его дыхание было ровным, а кончики волос намокли от пара. Юй Юньлян аккуратно убрал прядь с его лица. Принцу ведь едва исполнилось двадцать — самое время для расцвета сил. Если бы не этот проклятый яд...

Руки Ци Цзю были созданы для меча и лука. Когда они уедут на юг, он обязательно снова сядет в седло. Юй Юньлян решил, что тоже будет тренироваться в верховой езде, чтобы не отставать и следовать за своим господином по весенним дорогам Янчжоу.

Он помог Ци Цзю удобнее устроиться на подушках и снова взял чашу с лекарством. Юноша не хотел принуждать его, ведь и лекарь говорил... но его принц не собирался сдаваться. Ци Цзю

обещал жить, и Юй Юньлян должен был найти способ.

Он сам пригубил лекарство — оно было невыносимо горьким, эта горечь пробирала до костей. Юноша зажмурился и проглотил глоток, затем набрал второй. Его ресницы дрожали, дыхание участилось, а сердце забилось сильнее. Он вспомнил... как Ци Цзю делился с ним сладким вином. Но то было вино — тягучее и сладкое, а не эта обжигающая горечь.

Юй Юньлян хмурился, глядя на чашу, и, сам того не замечая, проглотил вторую порцию.

Ци Цзю, немного восстановив энергию, решил вмешаться, пока маленький инспектор не выпил всё лекарство сам:

— Иди сюда.

Он легонько коснулся руки юноши:

— Отдай чашу, я сам.

Юй Юньлян уже всё для себя решил. Он покачал головой:

— Ваше Высочество, оно слишком горькое.

Он знал, что Ци Цзю будет глотать его бесконечно долго, страдая от каждого глотка. Юноша набрал лекарство в рот и прижался к губам принца. Он был тем, кто дает лекарство, но делал это с предельной нежностью и осторожностью, вливая целебную влагу и ожидая, пока Ци Цзю её проглотит.

А затем в объятиях принца промокший волчонок, превратившийся в преданного духа, совершенно неумело и робко слизывал остатки горечи, стараясь забрать всю боль себе. Ци Цзю, боясь, что тот упадет от волнения, крепче обнял дрожащего в его руках Юй Юньляна. Юноша закрыл глаза, полностью доверяясь этим рукам. Маленький оборотень, согретый теплом источника, покраснелся, его язык медленно скользил, унося с собой последние капли терпкого послевкуся.

<http://bllate.org/book/16113/1598133>